

Бартош Александр Александрович, член-корреспондент Академии военных наук, директор Информационного Центра по вопросам международной безопасности при Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) (тел. 9 495 695 14 20)

Невоенные угрозы ОДКБ

Одной из характерных тенденций, порожденных глобализацией, является наращивание невоенного спектра вызовов и угроз международной/региональной и национальной безопасности, часть из которых имеют принципиально новое качество. Так, в конфликтах индустриальной эпохи для нанесения поражения противнику агрессор стремился захватить его территорию, разрушить промышленность и средства производства. В современном информационном обществе при сохранении опасностей, рисков, вызовов и угроз (ВРОУ), связанных с применением военной силы, основным средством воздействия на государство, избранное в качестве объекта агрессии (государство-мишень) все чаще становятся технологии управления мировоззрением и картиной мира населяющего его народа в интересах установления полного контроля и перевода под внешнее управление. «Основная идея информационных войн за пространство – навязать потенциальному противнику программируемый образ мира, подчинив тем самым всю систему его управления. < > Информационные воздействия способны изменить главный геополитический потенциал государства – национальный менталитет, культуру, моральное состояние людей». [7]

Источниками многих ВРОУ невоенного характера для России и ее союзников в СНГ и ОДКБ являются наши геополитические противники – США и НАТО, которые в течение многих десятилетий проводят на постсоветском пространстве комплекс информационно - психологических операций по деформации сознания и национально-культурной идентичности населения, провоцируют тупиковый путь развития и деградацию, создают

сетевую агентуру [1,3,10]. Цель таких действий применительно к России и странам СНГ – нарушение субъектности развития, усиление конфронтационной спирали, замена властных элит и поддержка оппозиционеров, готовых действовать в рамках модели внешнего управления. Важным объектом такого воздействия является ОДКБ, которая в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года призвана играть роль «ключевого механизма противодействия региональным вызовам и угрозам». [23]

Стратегическая линия ОДКБ предусматривает невмешательство в политические процессы и политическую жизнь государств – членов организации. Однако именно на эти объекты, на политическую и культурно – мировоззренческую сферы ориентирован комплекс информационно – психологических операций, проводимых геополитическими противниками России и ее союзников и получивших название «цветных революций».

В этом контексте для руководства ОДКБ «цветные революции» представляют несомненный интерес только с точки зрения внешнего вмешательства и внешнего воздействия на ситуацию в государствах – членах организации, на формирование необходимых условий для свержения законно избранной власти вооруженным путем или проведением различных протестных акций.[2]

Начальник Генерального штаба ВС РФ В.В Герасимов наряду с традиционным комплексом вызовов и угроз военной безопасности говорит о возрастании роли невоенных способов достижения политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходят военные средства. Они дополняются военными мерами скрытного характера, в том числе мероприятиями информационного противоборства, действиями сил специальных операций, использованием протестного потенциала населения. [5]

Об управляемом хаосе как одной из угроз национальной безопасности России упоминалось в январе 2014 г. на Итоговой военно-научной

конференции Академии военных наук (АВН) «Актуальные проблемы организации обороны страны с целью противодействия военным и невоенным угрозам». В частности, в докладе Президента АВН генерала армии Гареева М.А. утверждалось, что важная группа угроз современного мира «... связана с информационными и другими подрывными действиями, созданием управляемого хаоса с целью провоцирования в противостоящих странах различного рода волнений, свержения неугодных властных структур изнутри, нарушения внутренней устойчивости государства. Это было сделано в Ливии, затем в Сирии. [4]

В этом контексте представляет несомненный интерес исследование стратегий, базирующихся на использовании в подрывных целях военно-политической, социальной, экономической нестабильности и турбулентности, которые формируются за счет *искусственно создаваемой хаотизации обстановки* в отдельных странах и регионах. Процессами хаотизации охватываются *ключевые сферы управления коллективной деятельностью людей: административно-государственная (политическая), культурно-мировоззренческая и социально-экономическая.*

В своей первоначальной версии теория хаоса разрабатывалась главным образом применительно к физическим или химическим процессам. Однако сегодня многие специалисты говорят о смыкании проблем, касающихся неживой природы, с вопросами, поднимаемыми в области социологии, психологии, этики, гражданского общества в целом, где сознательный выбор, определение верной установки к действию являются предметами специального исследования. [18,19].

В современных условиях своеобразным катализатором деятельности, связанной с приданием нужного направления динамике социально-политических систем и организации «цветных революций», выступает политика США и Запада в целом, направленная на радикальное переустройство мира под стандарты единственной сверхдержавы. Важное место в деятельности США в переформатировании мира под американские

стандарты отводятся практическому применению доктрины так называемого «управляемого хаоса», основные положения которой сводятся к хаотизации ключевых сфер управления коллективной деятельностью людей с конечной целью передачи государства-мишени под внешнее управление.

По мнению автора, первоначальный импульс развитию теории и практики «управляемого хаоса» применительно к социальным системам был придан в 1945 году руководителем политической разведки США в Европе Алленом Даллесом. В своем обращении к Конгрессу будущий директор ЦРУ акцентировал внимание на подрывной деятельности против СССР. Он заявил: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников-союзников в самой России...» [8]

В дальнейшем, главным образом, применительно к административно-государственной (политической) сфере управления, положения «управляемого хаоса» получили развитие в работах ряда западных исследователей – Збигнева Бжежинского, Джина Шарпа, Стивена Манна.

Так, например, Д. Шарп в одной из своих работ, изданной в 1993 г., приводит описание 198 методов подрывных действий, включая методы ненасильственного протеста и убеждения, отказа от социального, экономического и политического сотрудничества, ненасильственного вмешательства, вплоть до объявления двойного суверенитета и создания параллельного правительства. [25]

С. Манн в 1992 году утверждал, что «...каждый актер в политически критических системах производит энергию конфликта, активную силу, которая провоцирует смену «статус-кво», участвуя, таким образом, в создании критического состояния. В современной международной системе эта энергия проистекает от мотиваций, ценностей и возможностей специфических акторов, будь это правительства, политические и религиозные организации, или частные лица. Эти акторы стремятся изменить

«статус-кво» мирными или насильственными методами, и любой курс приводит к неизбежному катаклизму и переустройству.»[15]

По аналогии с пиратской перенастройкой компьютерных программ С.Манн призывает в интересах США формировать новый глобальный мировой порядок за счет изменения программ развития стран-мишеней с помощью своеобразного «идеологического вируса», который будет самовоспроизводиться и распространяться через социальные сети хаотическим путем в рамках целенаправленной борьбы за умы и культуры, отличающиеся от американских.

Таким образом, современные теоретические разработки соединяют доктрину управляемого хаоса с новыми геополитическими установками США на глобальное доминирование и фактически превратились в наставления по подрывной деятельности, прошли испытание практикой в ходе дестабилизации стран Варшавского договора, развала СССР, раскручивания конфронтационной спирали в некоторых странах СНГ и ОДКБ и сейчас широко применяются при провоцировании «оранжевых революций» в Ливии и Сирии, на Украине.

Западные исследователи рассматривают управляемый хаос как инструмент обеспечения национальных интересов США за счет усиления эксплуатации критичности и создания обстановки управляемой нестабильности путем содействия либеральной демократии и рыночным реформам, повышения экономических стандартов и ресурсных потребностей, преимущественного повышения жизненных стандартов у так называемых элит общества, вытеснения из общественного сознания традиционных ценностей и идеологии, переформатирования культурно-цивилизационного кода населения и создания среды, в которой комфортно чувствуют себя различные экстремистские движения. Вопросы применения технологий управляемого хаоса привлекли внимание и ряда современных отечественных исследователей: Лепского В.Е.[14], Карякина В.В.[11], Батчикова С.А., Василенко И.А. и некоторых других.

В теоретических разработках важное место отводится формированию в стране-мишени организационных основ для использования механизмов внешнего управления. Основным объектом воздействия является властная элита, лидеры части оппозиционных движений, некоторые религиозные деятели которых исподволь готовят к «перехвату» ключевых управленческих функций и к последующим действиям в соответствии с алгоритмами модели управляемого хаоса.

Практическая реализация технологий управляемого хаоса позволяет производить успешную замену ключевых игроков в элитах на заранее подготовленных и управляемых кандидатов. Именно эти люди в период искусственно созданного обострения обстановки способствуют лавинообразному нарастанию действия хаоса, что, в конечном итоге, может привести к распаду системы без применения военных средств и разрушения инфраструктуры.

Принципиально важно понимать, что основу для развития ситуации управляемого хаоса создает, прежде всего, наличие в стране-мишени серьезных внутренних социально-экономических, этно-конфессиональных противоречий, всепроникающих коррупционных связей, что наряду с углублением разрыва в доходах различных слоев населения, отсутствием социальных лифтов, другими внутренними неурядицами способствует подрыву единства общества. Как правило, такой комплекс противоречий игнорируется правящими элитами, которые с течением времени перестают увязывать свои материальные интересы с жизненно важными интересами страны и народа, сосредотачивают усилия на сохранении собственных материально-денежных активов и семей путем вывода их за рубеж.

Коррупция в вооруженных силах приводит к резкому снижению обороноспособности страны, влечет за собой прямое предательство части коррумпированной военной элиты, что было наглядно продемонстрировано, например, уже в начальной стадии вторжения в Ирак коалиционных сил в 2003 году.

Устойчивость ОДКБ к воздействию всего спектра вызовов, рисков, опасностей и угроз в решающей степени зависит от качества управления упомянутыми сферами коллективной деятельности людей в каждом из государств-участников и наличия заранее согласованных планов совместного противодействия.

В сфере государственно-политического управления и в основополагающих документах Организации представляется критически важным своевременно разработать и принять нормативно-правовую базу, которая создает основу для принятия всех предусмотренных законом мер по противодействию подрывной деятельности, включая содействие со стороны ОДКБ.

Уникальной спецификой обладает культурно-мировоззренческая сфера, где алгоритмы модели управляемого хаоса нацелены, в первую очередь, на обеспечение контроля над разновекторными и не всегда осознанными мотивациями и, в целом, поведением широкого спектра участников общественных процессов. Использование технологий информационно-сетевого воздействия обеспечивает необходимый охват от локального до регионального масштаба. Суть проводимых мероприятий заключается в создании условий для скрытого управления культурно-мировоззренческой сферой с целью преобразования ментального поля населения страны-мишени путем переориентации, ослабления, а затем уничтожения традиционных духовных и культурных ценностей народа.

Таким образом, формируются механизмы управления поведением больших масс людей, сознание которых за счет целенаправленного использования существующих сетевых ресурсов (интернета, телевидения, кино, литературы, потенциала некоторых образовательных программ, неформальных организаций и религиозных сект) постепенно теряет чувствительность к оказываемому воздействию и одновременно насыщается нужными представлениями и ценностями. Анестезия сознания в сочетании с информационным вторжением осуществляется под аккомпанемент

утверждений о якобы сугубо добровольном принятии населением новой когнитивной модели – образа нужной "картины мира", сформированной населением государства-мишени на базе продиктованных и внушенных ему представлений. Сами эти представления призваны продемонстрировать человеку преимущества якобы более цивилизованного и высокоразвитого Запада по сравнению с отсталыми и давно потерявшими значимость ценностями и интересами, положенными в основу мировоззренческой сферы общества в его собственной стране.

Построенные на подобных алгоритмах события на Украине, в Ливии, Сирии, Югославии вписываются в сформулированные видными современными военными теоретиками представления о фундаментальных сдвигах социокультурных характеристик вооруженных конфликтов XXI века. [16]. Заметно сократилось число межгосударственных вооруженных конфликтов при одновременном резком возрастании конфликтов внутренних, которые сегодня представляют собой культурно обусловленный вид человеческой деятельности. Одним из следствий таких изменений является резкое снижение возможностей регулярных вооруженных сил противостоять действиям иррегулярных формирований. Применительно к вооруженным силам и военно-политическим союзам отсутствие адаптации к этим изменениям может привести к серьезным последствиям для национальной и региональной безопасности, вплоть до полной дезинтеграции отдельных государств и развала моделей обеспечения безопасности. С учетом лавинообразного развития подрывных процессов, для государств-членов ОДКБ критически важным является заблаговременное четкое фиксирование в документах обязательств и механизмов оказания взаимопомощи в случае проявления серьезных внешних и внутренних угроз стабильности и поддержания в готовности предназначенных сил и средств.

Высокую динамику процессам дестабилизации придает способность модели управляемого хаоса осуществлять целенаправленное воздействие системы согласованных по целям, месту и времени пропагандистских,

психологических, информационных и других мероприятий как на сознание отдельного человека, так и на «чувствительные точки» (центры принятия решений) административно-государственного (политического) управления, включая сферу обеспечения всех видов безопасности, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую сферы.

С учетом фундаментальных сдвигов в социокультурных характеристиках современных конфликтов одним из важных направлений успешного противостояния технологиям управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере применительно к странам-участницам ОДКБ является умелое использование потенциала «мягкой силы» для повышения привлекательности организации среди населения и, прежде всего, молодежи.

Для этого необходимо, в частности, придать необходимые размах и динамику интерактивному диалогу в рамках публичной дипломатии. Использование этого диалога по проблематике ОДКБ позволит приобрести сторонников и союзников, добиться своеобразной гуманизации образа организации, повысить ее привлекательность, создать фундамент доверия к ней в стране и за рубежом.

Известно, что «публичная политика» – новый жанр осуществления власти в период глобальной информатизации. Публичная дипломатия, тесно связанная с этим направлением политики, представляет собой целый «космос», где действуют политики, деятели культуры, науки и образования, СМИ, НПО, пользователи социальных сетей, профессиональные дипломаты.[9]

США и НАТО как геополитические противники России и ОДКБ на основе анализа трансформации современных военных конфликтов активно внедряют новые подходы к реагированию на невоенные вызовы, в том числе и за счет привлечения технологий «мягкой силы». Достаточно вспомнить, насколько остро в начале 1990-х гг. стала проблема адаптации к обновленной сфере международной безопасности для военно-политического блока НАТО, который стал искать идеологическое обоснование своего существования.

Обозначенная в качестве одного из приоритетов развития Организации Североатлантического договора политика расширения на восток, потребовала провести подготовку общественного мнения стран НАТО и восточноевропейских государств к предстоящим шагам. При этом основным методом такой подготовки была выбрана активная общественная (публичная) дипломатия.

В тот период в сферу интересов дипломатии альянса было включено и постсоветское пространство, которое до настоящего времени продолжает рассматриваться представителями НАТО как основной полигон информационно-агитационной работы с использованием механизмов «public diplomacy». [13, 21, 22]

Концептуальную основу этот механизм получил в «Стратегии общественной дипломатии НАТО».[26] Согласно этому документу существует два метода реализации общественной дипломатии:

- освещение позиции НАТО по различным вопросам через СМИ;
- непосредственное взаимодействие в рамках семинаров, брифингов, визитов с людьми, формирующими общественное мнение в странах НАТО и партнерах.

В рамках реализации этих направлений для стратегии альянса в странах, входящих в ОДКБ, характерен элитоцентризм – подход, ориентированный на работу с властными кругами для создания позитивного образа НАТО и создания механизмов влияния. Опираясь на этот подход, НАТО продолжает активно действовать на Кавказе и в Центральной Азии, не просто игнорируя сам факт существования ОДКБ, но и нередко переигрывая Россию и политические элиты стран участниц ОДКБ по отдельности, - как в стратегическом, так и в технологическом плане. Используя дипломатические методы работы, альянс пытается настраивать друг против друга тех, кто формально декларирует свое единство и стремится расширить контроль за военно-политической ситуацией в представляющих интерес регионах ответственности ОДКБ. [13]

В рамках противодействия невоенным угрозам ОДКБ еще предстоит создать собственную систему публичной дипломатии, одной из задач которой должно бы стать формирование позитивного имиджа ОДКБ на национальном и международном уровне. В качестве первого шага можно было бы рассмотреть открытие Контактных пунктов ОДКБ при университетах стран-участниц организации. Такие контактные пункты могли бы взять на себя часть работы по информированию молодежи о целях и задачах ОДКБ, организовывать семинары, конференции, молодежные форумы, служить важным дополнением к проводимой в университетах образовательной работе в области международных отношений, политологии, регионоведения. Необходим, конечно, и спектр доступных для широкой публики информационных изданий по проблемам ОДКБ.

Применительно к России и государствам СНГ в течение многих лет одной из приоритетных целей модели управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере является русский язык. Госсекретарь США А. Даллес еще в 1948 г. говорил: «... чтобы развалить СССР, не надо атомной бомбы, нужно только внушить его народам, что они могут обойтись без знания русского языка. Нарушатся экономические, культурные, другие связи. Государство перестанет существовать». [24]. СССР уже нет, но осталась многонациональная Россия, осталось СНГ и им грозит та же участь, если не принять срочных мер по обеспечению лингвистической безопасности русского языка как национального, межнационального и мирового языка. Не углубляясь в специфику этой непростой проблемы, хотелось бы отметить, что для ОДКБ как военно-политического союза использование единого языка является ключевым условием для успешного взаимодействия в штабах и «в поле».

В целом, повышение способности ОДКБ противостоять угрозам невоенного характера придаст дополнительную устойчивость миропорядку XXI столетия, снизит угрозу крупномасштабной войны, будет

способствовать сохранению России и стран СНГ в рамках единой самобытной евразийской цивилизации.

* * *

- 1.Белозеров В.К. Диалектика геополитики и национальной безопасности // Безопасность Евразии.2009. № 4
- 2.Бордюжа Н.Н. Мифы и реальность цветных революций. Кто раскручивает спираль нестабильности и что может противопоставить ей ОДКБ. //Независимое военное обозрение № 789 от 17.01.2014
- 3.Винокуров В.В. Дипломатия и разведка как средство осуществления внешней политики государства: общее и особенное. Монография, М., 2013, 300 с.
- 4.Гареев М.А. Доклад «Последовательно отстаивать национальные интересы» // Военно-промышленный курьер. № 2 (520) 22-28 января 2014 г
- 5.Герасимов В. В. Выступление на Научно-практической конференции "Военная безопасность России: XXI век", Москва, 14 февраля 2013 г. ресурс: <http://arm-ob.ru/interviy/>
- 6.Гронская Н.Э.Нестабильность языковой ситуации как угроза государственной безопасности, Вестник Академии военных наук, стр. 81-86, №1 (10), 2005 г.
- 7.Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России: монография, // под редакцией академика И.И. Халеевой. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012, – 318 с.
- 8.Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. — М.: [ОЛМА-Пресс](http://olima-prince.ru/), 2000. — 416 с., ресурс <http://lib.ru/MEMUARY/DROZDOW/nelegal.txt>
[Журнальный клуб Интелрос](http://www.intelros.ru/)
- 9.Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2003
- 10.Ивашов Л.Г. Евразийский союз: проблемы, перспективы. Построение такой континентальной цивилизационной модели создаст определенную устойчивость миропорядка XXI столетия // Военно-промышленный курьер. – 2012 – № 18
- 11.Карякин В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху постмодерна: Монография. – М. : 2013. – 432 с
- 12.Концепция внешней политики Российской Федерации, Независимая газета 04.03.2013
- 13.Корнев Е.С Общественная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве. Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/133/4173> Дата обращения: 29.01.2014
- 14.Лепский В.Е. Рефлексивный анализ технологий управляемого хаоса как оружия разрушения субъектности развития. «Рефлексивные процессы и управление » №1-2, 2010
- 15.Манн Стивен. Теория хаоса и стратегическое мышление. <http://geopolitica.ru/Articles/890/>
- 16.Мартин ван Кревельд «Трансформация войны» // М., ИРЭСН, 2008
- 17.О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 605, Российская газета, 9 мая 2012 г.
- 18.Пригожин И.Р, Стенгерс И.Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.,2001.276 с.
- 19.Пригожин И.Р. Философия нестабильности. Вопросы философии.— 1991.— №6.— С. 46—57
- 20.Путин В.В. «Россия: национальный вопрос», Независимая газета, 24.01 2012 :http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- 21.Рогозин А. Д. «Общественная дипломатия» НАТО: информационная безопасность России // Власть. 2008. № 9. с. 26-32.
- 22.Рогозин Д. О. Как в НАТО ловят души. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2010-06-18/5_nato.html . - Дата обращения: 29.01.2014.
- 23.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Независимая газета, 2009-05-15
- 24.Халеева И.И. «Лингвистическая безопасность России», Вестник Российской академии наук, том 76, № 2, стр. 104-111, февраль 2006 г.
- 25.Шарп Д. «От диктатуры к демократии» Gene Sharp. From Dictatorship to Democracy. The Albert Einstein Institution, 1993. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3200>
- 26.NATO public diplomacy. Strategy 2010-2011 // Режим доступа: <http://info.publicintelligence.net/NATO-PublicDiplomacy-2011.pdf> . - Дата обращения: 29.01.2014.